

ВИТАЛИЙ МЕДВЕДЬ

Холодное блюдо

Виталий Медведь

Холодное блюдо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40276909

ISBN 9785449618559

Аннотация

Действие захватывающего микротриллера «Холодное блюдо» начинается в 1989 году, перед самым развалом советской империи, и находит свое развитие в наши дни.

Холодное блюдо

Виталий Медведь

© Виталий Медведь, 2019

ISBN 978-5-4496-1855-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Май 1989

– Сержант, вы куда сейчас рвете? – Петр оперся рукой о борт уазика и заглянул внутрь салона.

– В Тайнинку, там церковь не успели открыть, как сразу обнесли, повторно едем.

– Через Перловку?

– Ага.

– О! Я с вами! У меня там в общаге дельце.

Петр занырнул в утробу пропахшего бензином бобика и тот с животным урчанием стартанул.

– А что там красть то, кроме древних станков в той церкви?

– Товарищ лейтенант, ее же назад в церковь передали! Вы не слышали?! Это теперь храм!

– Церковь – в церковь... Почему опиум для народа? Понятно...

На повороте с Мира на Селезнева пришлось притормозить, с ММЗ сплошным потоком лилась толпа – смена.

Глухой удар в борт заставил всех подпрыгнуть. Сержант выскочил из авто на разведку и Петр услышал от коллеги привычное нецензурное. Ответ был тоже не очень вежлив.

– Сержант, давай-ка потише! Не видишь, споткнулся человек, башку себе чуть не разбил о твою синеглазку.

В маленькое заднее окошко УАЗа было не видно, кто-это там такой борзый, но в боковом появилась кудрявая голова, потирающая лоб. Похоже, еврей, и похоже, не очень трезвый.

– Слышь, документы!

– Да не трогай ты его, мне его вести до дома сто метров осталось, вон пятиэтажка.

– И твои документы.

За бортом слышались невнятные звуки толканины.

– Да отвали ты!

Когда Петр вылезал из салона, раздался звук удара и через капот перелетела шапка сержанта. Ого себе, сопротивление милиции! Класс, можно и мышцы размять.

– Игорьь, бежим! – кучерявый рванул с места и, виляя, помчал через газоны в сторону киоска. Петр на мгновение замер, решая, броситься вдогонку или помогать сержанту и выбрал второе.

У бампера некто щуплый в пальтишке и очках тянул сержанта за руку в попытках поднять. Врешь, уже поздно избоб-

ражать гуманитария! Лейтенант замахнулся и, что есть силы, саданул очкарику локтем по спине. Когда тот рухнул, добавил с носка.

– Вяжи его, Серега, ща в отделении доработаем...

Май 1989 года

– Лейтенант, ты в своем уме!? Ты знаешь, кто это?!

Майор не кричал, а шипел. Все отделение знало: если Почеп переходит на шепот – это за гранью раздражения. Это еле контролируемая ярость.

– Игорь Семёнович Дзыга...

– Дзыга?! ДЗЫГА! Все буквы заглавные! Понял, лейтенант?! Ты в Мытищи в каком году переехал? Про него все газеты писали. В 19 лет он произвел переворот в ядерной физике. В 25 стал кандидатом наук. В трид... Да что там... – майор бросил портсигар на стол и тот глухо укатился к лампе. Со стены с укором смотрели портреты Михаила Сергеевича и Феликса Эдмундовича. Причем, ясно было, что хозяин здесь – Феликс, ибо владельцы кабинетов, как и портреты генеральные секретарей, менялись, а Феликс, да еще крашенный-перекрашенный сейф в углу, оставались неизменными... Внезапно майор грузно плюхнулся в кресло.

– Дебила ты кусок, Кох. У него изобретений больше, чем... – майор не нашел сравнения и устало махнул рукой. – А ты – по почкам! У тебя что, сержантов нет? Решил молодость вспомнить?! Я сколько раз тебе... Или ты по его лин-

зам не видел, что его соплём перешибить?

– Он хамил! – лейтенант пялился в затертый до белизны линолеум и это еще больше бесило.

– Надо думать, хамил! У него кум – зам. министра, и половина политбюро в знакомцах... Попытал ты его зачем?

– И про это уже настучали?

– Доложили! Следы от ожо..

На столе дико затрещал один из телефонов.

– Да?! – рывкнул майор, в микрофон – Что-о-о?! Твою мать... Понял...

Майор очень аккуратно положил трубку, устало протер рукой лицо, словно снимая паутину, на минуту закрыл глаза, затем открыл ящик и достал оттуда лист бумаги.

– Комиссии я вместо тебя сержанта Резепина подсуну, мне давно от него избавиться надо.

Лейтенант нахмурился, пытаясь понять, о чем речь.

– А ты пиши заявление. Ручка есть? По старой памяти, из-за отца, тебя не подставлю, но в органах ты больше служить не будешь. Чтобы и ты меня не подставил, падла. Скончался твой Дзыга. Не приходя. Придунок!

И было непонятно, кого майор имеет в виду: Игоря Дзыгу или лейтенанта Коха.

Октябрь 2018

Екатерина зябко поежилась. Сквозь оконные рамы аудитории 318 сифонило, как изо рта Морозко. Студенты, ко-

нечно, щели заклеили, но, как всегда, на отвяжись. Господи, XXI век на дворе, а они бумажки клейстером мажут... Впрочем, неважно. К 15—30 надо к врачу...

Сначала Екатерина не придавала никакого значения ни снижению аппетита, ни бессоннице, ни сброшенным килограммам. Работа нервная, ответственность высокая, нагрузка колоссальная, было бы странно оставаться в норме. Но когда она заметила, что не может сконцентрироваться на словах коллег, теряет нить разговора и забывает имена, пришлось задуматься. Это она-то?! Серебряная медалистка с остро отточенным умом и феноменальной памятью?

За полгода она узнала про семью доктора Миляева практически все. Возможно, это была профессиональная привычка забалтывать пациента, отвлекая от неприятных ощущений при обследовании, но посетители узнавали все об увлечениях его жены, о выходках детей, о приездах родственников. В один из приходов среди подобной болтовни Екатерина с трудом сумела вычленить, что «она уникальная, но радости ей это не принесет. Ее организм один на миллион, который накапливает в центральной нервной системе изменённую форму белка приона. Называется это все – болезнь Крейтцфельдта-Якоба».

Теперь визиты сделались постоянными.

– Я бы советовал вашим детям, – доктор Миляев мельком заглянул в карточку, – судя по возрасту, внуков у вас еще

нет, м-да, посоветовал пройти генетический анализ, чтобы узнать, не унаследовали ли они мутацию. Все-таки, 50% вероятность. – Доктор шариковой ручкой постучал себя по зубам, – Впрочем, если да, то это знание тоже не сильно поможет.

– Нет. – Екатерина отстраненно смотрела в окно. Там две вороны играли в догоняшки.

– Ну да. Мы же уже об этом...

– Детей нет. И внуков нет. Никого нет, Артур Сергеевич, – Екатерина резким движением спустилась с кушетки, она внезапно приняла решение – Только коллеги и студенты. Я карточку заберу?!

– М-да. Сдайте, пожалуйста, в регистратуру...

Спустившись на первый этаж, Катерина не стала подходить к застекленному окошку, вышла из здания, по пути к парковке открыла крышку мусорного бака и бросила туда белую папочку, в которой была скрупулёзно записана история всех ее болезней. Затем опомнилась, содрала с сапожек голубые бахилы и отправила их следом за папкой.

Ноябрь 2018

Сайт назывался незамысловато: «Уборка». На нем было зарегистрировано 1137 контор и частных лиц, оказывающих клининговые услуги. В Москве всегда хватало и ленивых, готовых заплатить за порядок, и бедных, готовых порядок навести. Петр заказал этот сайт три года назад одному студен-

ту, и ни разу не пожалел о потраченной тысяче долларов. Сумма давно окупилась, а страничка сильно облегчила ему работу и поиск клиентов. Петр не был уборщиком. Петр убирал. Людей. За деньги.

Его фирма на сайте называлась «Агентство «108» и знающие люди просто отправляли заказ в личку.

К этой работе он шел непросто. В 90-х, когда развалился совок, а оставшиеся в ментовке связи позволяли доставать разные полезности и закрывать проблемные вопросы, было золотое время. Немножко торговли, чуть больше рэкета, курирование и снабжение нескольких мелких группировок и силовая работа с людьми. Ему нравилось видеть страх в глазах, за многие годы он научился отличать десятки его оттенков и почти всегда после нескольких слов мог по человеку сказать, чем его нужно пугать: болью, семьей, потерей работы, унижением. Петр Кох заработал себе имя.

Позже, когда его несколько раз предали и пару раз пытались кинуть, Петр отомстил обидчикам и решил, что эффективнее работать одиночкой. Ему нравилась и работа, и гонорары. Он сам устанавливал правила и мог наказать тех, кто их не соблюдает...

Март 2001

Мама умерла очень тихо и быстро. Инсульт. Но почти месяц после похорон Катерина не могла заставить себя прий-

ти в ее квартиру. Вернее, в их квартиру. В когда-то уютную двушку на перекрестке Колпакова и Новомытищинского.

За пять лет в Москве Катя настолько привыкла к веселой суете и гомону общаги, что квартира представилась ей склепом. Поворот ключа перенес ее даже не в прошлое, где она сама себе казалась глупым ребенком, а в какую-то другую реальность. Те же шторы, среди узоров которых она когда-то находила то голову льва, то дикаря в лодке. Тот же протертый вокруг стола ковер, который ее все детство заставляли хлопать на улице. Впрочем, зимой это было даже весело. В воздухе неспешно плыли серебристые пылинки. Сервант с хрусталем и расставленным по полкам сервизом. Катерина отодвинула стекло и привычно подняла крышку сахарницы. Конечно же. Там, как и прежде, лежали припрятанные мамой карамельки. Заначка. Тихо. Пусто. Пыльно. Нужно навести порядок. Да! Порядок! Не факт, что получится вырваться на 40 дней. Тряпку в руки и вперед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.